

«ГРИБОЕДОВСКИЙ ЭПИЗОД» ВО ВТОРОЙ ГЛАВЕ «ПУТЕШЕСТВИЯ В АРЗРУМ»

Впервые предположение о фактической недостоверности встречи Пушкина с прахом Грибоедова возникло в 1970-х годах, в ходе подготовки диссертации Ю. П. Фесенко, в тексте которой пришлось несколько отредактировать соответствующий абзац,¹ чтобы не давать лишней пищи оппонентам на предстоящей защите. Но позже, после всесторонней проверки и обсуждения с коллегами данной гипотезы, она была обнародована в докладе на конференции (Государственный музей Пушкина, Москва, 1995 год), а затем опубликована.²

Высказывая противоположную точку зрения, И. С. Сидоров подчеркивал, что слишком поздно познакомился со статьей в Хмелитском сборнике: «К сожалению, эта работа вышла в свет, когда моя статья была уже набрана. Поэтому я не имею возможности рассматривать ее более подробно».³ Тем не менее полемическая страница на этот счет все-таки появилась в «набранном» издании.⁴ Можно понять, почему отклик оказался однозначно негативным. «Никакие другие аргументы, — заявлял автор уже с самого начала, — не могут доказать того, что эта встреча *не могла* состояться. А если этого доказать не удастся, то, исходя хотя бы из принципа презумпции невиновности, мы должны будем признать достоверность пушкинского рассказа».⁵ В примечании он добавлял: «Может показаться странным перенос этого принципа в историко-литературную область, но в данном случае вольно или невольно затрагиваются уже не только чисто литературные, но и некоторые морально-этические проблемы».⁶

---

¹ Ср. в подготовленной тогда же публикации Фесенко: «Вопрос о том, как доставлялось тело Грибоедова в Тифлис, нуждается в дополнительном изучении» (Фесенко Ю. П. Пушкин и Грибоедов // Временник Пушкинской комиссии. 1980. Л., 1983. С. 110). Это повторено во всех позднейших комментариях к «Путешествию в Арзрум» — см.: Пушкин А. С. Дневники. Автобиографическая проза. М., 1989. С. 339 (примеч. Н. Е. Мясоедовой); Пушкин А. С. Дневники. Записки. СПб., 1995. С. 308 (примеч. Я. Л. Левкович) («Лит. памятники»); Пушкин А. С. Собр. соч.: В 5 т. СПб., 1994. Т. 4. С. 436 (примеч. В. Д. Рака).

² Фомичев С. А. «Грибоедовский эпизод» в «Путешествии в Арзрум» Пушкина // А. С. Грибоедов: Хмелитский сборник. Смоленск, 1998. С. 374–383.

³ Сидоров И. С. «Великая иллюзия» или «мнимая нелепость»? (О встрече Пушкина с телом убитого Грибоедова) // Московский пушкинист. М., 1999. Вып. 6. С. 335.

⁴ См.: Там же. С. 317–318.

⁵ Там же. С. 293; выделено автором. — С. Ф.

⁶ Там же. С. 330.

Таким образом, художественный вымысел и его анализ автор *принципиально* приравнял к уголовному преступлению.

Я кратко ответил И. С. Сидорову в 2007 году,⁷ так как в профессиональных кругах моя точка зрения была принята. В примечаниях к «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» (сост. Н. А. Тархова, ред. Я. Л. Левкович) отмечено: «1829. Июнь, 11. В «Путешествии в Арзрум» Пушкин рассказывает о встрече в этот день неподалеку от Джелал-оглы (он по ошибке называет место Гергерами)⁸ с телом убитого Грибоедова, чего на самом деле не было».⁹

Однако А. А. Долинин объявил гипотезу «абсолютно беспочвенной», назвав меня «фикционалистом» <!> и постоянно подчеркивая мою некомпетентность и не упоминая оценку указанного эпизода в «Летописи».¹⁰ Спорить (оправдываться?) на таком уровне было бы глупо. Но свою позицию он обозначил в статье «Пушкинской энциклопедии», вышедшей под грифом Пушкинского Дома.¹¹ Это требует возвращения к данной проблеме, учитывая авторитетность академического справочного издания.

В результате многолетних разысканий А. А. Долинин убедительно оспорил некоторые из давно утвердившихся в пушкинистике положений, связанных с интерпретацией «Путешествия в Арзрум».¹² Но, видимо, инерция первоначальной, сугубо отрицательной оценки моей статьи не позволила автору *по достоинству оценить*

⁷ См.: *Фомичев С. А.* Пушкинская перспектива. М., 2007. С. 453—454.

⁸ Это было установлено К. В. Айвазяном, проанализировавшим географическую картину, воспроизведенную в «Путешествии в Арзрум» (см.: *Айвазян К. В.* «Путешествие в Арзрум» Пушкина: (Пушкин и Армения) // Пушкин и литература народов Советского Союза. Ереван, 1975. С. 364—365). Возражения И. С. Сидорова по этому поводу (см.: *Сидоров И. С.* «Великая иллюзия» или «мнимая нелепость»? С. 300—301) необидительны.

⁹ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1999. Т. 3. С. 534.

¹⁰ См.: *Долинин А. А.* Dichtung und Wahrheit Пушкина: «Грибоедовский эпизод» в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года» // История литературы. Поэтика. Кино: Сб. в честь М. О. Чудаковой. М., 2012. С. 115—129. (Новые материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 9).

¹¹ Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2020. Вып. 4. С. 402—426.

¹² Так, например, А. А. Долинин убедительно опроверг точку зрения Ю. Н. Тынянова, согласно которой в «Путешествии в Арзрум» выражена замаскированная критика И. Ф. Паскевича (см.: *Долинин А. А.* «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» в редакции и интерпретации Ю. Н. Тынянова // Озерная школа: Труды пятой Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Поляны (Усукирко), 2009. С. 26—32). С тех же позиций рассмотрен эпизод с Паскевичем и в статье Долинина для «Пушкинской энциклопедии» (см. с. 409—411).

значение «грибоедовского эпизода», принципиально необходимого как в структуре «Путешествия в Арзрум», так и в контексте первого тома журнала «Современник». А между тем не случайно исследователь определяет жанр «Путешествия в Арзрум» как *травелог*,¹³ противопоставляя собственно путевым запискам. Казалось бы, «грибоедовский эпизод» уже только поэтому заслуживает более внимательного анализа. Кроме того, во внимание надо принять следующее:

— Эта встреча не упомянута в перечне главных пунктов и событий кавказского путешествия в 1829 году, хотя здесь отмечен такой эпизод, как искупительное персидское посольство, описанное затем в первой главе.¹⁴

— Место встречи Пушкина с прахом Грибоедова явно противоречит точному «Маршруту от Тифлиса до Арзрума» (см.: VIII, 489—490), приложенному к белой рукописи произведения.

— Арба, влекомая двумя волами, казалось бы, плохо соответствует торжественному кортежу с телом убитого посланника.

— В отличие от других личностей, упомянутых в «Путешествии», Грибоедову посвящен пространственный текст, где даже очерчена биография драматурга и дипломата.

По поводу отсутствия упоминания о Грибоедове в путевых записках А. А. Долинин замечает: «На самом деле этот аргумент весьма слаб, так как никаких пушкинских дневниковых записей, которые соответствовали бы второй — четвертой главам ПВА, вообще не существует».¹⁵

Необходимо поэтому напомнить, что в рукописи путевого дневника имеется запись, отраженная впоследствии лишь в *заключительной части второй главы* «Путешествия в Арзрум»: «дорога до креп<ости><?> Карса. Гумры, Арарат, Граница. Гергеры. Карс».¹⁶

Понятно ведь, что из путевых впечатлений Пушкину в 1829 году запомнился лишь трудный, но стремительный путь через Кавказские горы до русского военного лагеря, счастливо преодоленный за четыре дня. Но более ранние Гергеры вспомнились поэту почему-то на заключительном отрезке данного пути, от Арпачая (границы) до Карса.

¹³ См. о нем: *Мойга А. А.* Литературный травелог: Специфика жанра // *Филология и культура.* 2014. № 3 (37). С. 254—258.

¹⁴ См.: *Левкович Я. Л.* Кавказский дневник Пушкина // *Пушкин: Исследования и материалы.* Л., 1983. Т. 11. С. 23. Здесь и далее Путевые записки Пушкина цитируются по этой публикации.

¹⁵ *Долинин А. А.* *Dichtung und Wahrheit* Пушкина. С. 126.

¹⁶ *Левкович Я. Л.* Кавказский дневник Пушкина. С. 23.

А. А. Долинин уточняет: «Весьма вероятно, что Пушкин, топясь в армию, просто проехал мимо ничем не примечательной повозки и только задним числом, уже в крепости или в военном лагере, узнал, какой груз в ней везли». ¹⁷ То есть, по его мнению, несколько позже поэту кто-то сообщил о прахе Грибоедова, с конца мая находившемся в гергерском карантине, согласно «Докладной записке Тифлисского военного губернатора генерал-адъютанта Стрекалова от 31-го мая 1829 года». ¹⁸ Что ж, с этим можно и согласиться. Непонятно, однако, почему какая-то заурядная повозка близ Гергер позже была отождествлена Пушкиным с траурным кортежем, а не попросту выдумана. Ведь диалог с грузинами о *Грибоеде* А. А. Долинин считает, несомненно, малодостоверным, а стало быть, все же фактически признает, хотя и отчасти, наличие художественного вымысла в описании гергерского эпизода.

Вот тут следует вспомнить о болгаринском примечании к письму В. Н. Григорьева, анонимно напечатанному в «Сыне отечества» в качестве дополнения к «Воспоминаниям о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове». ¹⁹ «Замечательно, — восклицал Булгарин, — что один из первых русских, встретивших тело Грибоедова в российских пределах, был наш поэт, А. С. Пушкин, на пути в Отдельный кавказский корпус. Это было в крепости Гергеры, в горах, на границе в Персии. Оба поэта умели ценить дарования друг друга». ²⁰ То есть именно Булгарин первым поспешил, не совсем внятно, отметить встречу Пушкина с прахом Грибоедова (в Гергерах!), о чем читателям «Путешествия в Арзрум» станет известно лишь спустя шесть лет. Невероятно, чтобы Пушкин поделился с Видоком Фиглярным сокровенными воспоминаниями, но вездесущий журналист вполне мог разведать о намерении Пушкина опубликовать статью на эту тему.

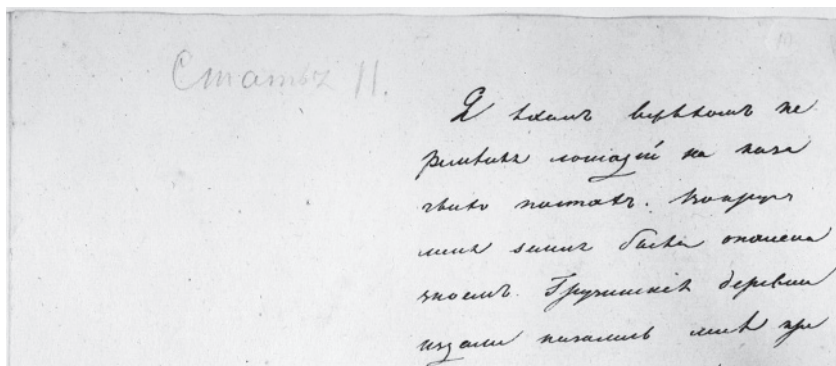
Обратимся к автографу второй главы «Путешествия в Арзрум» (ПД 1031), написанному на бумаге с водяным знаком 1834 года. В отличие от публикации в «Современнике», где между всеми абзацами сделаны одинаковые отбивки, текст пушкинской рукописи

¹⁷ Пушкинская энциклопедия. Вып. 4. С. 422.

¹⁸ Она воспроизведена в статье И. С. Сидорова (с. 320).

¹⁹ Автора письма установил Н. К. Пиксанов (см.: Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1929. С. 201). Статью В. Э. Вадура о В. Н. Григорьеве см.: Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 36—37.

²⁰ Сын отечества и Северный архив. 1830. Т. 9. № 2. С. 90. Это сообщение — возможно, из-за его нелепости — не отмечено в «Летописи жизни и творчестве А. С. Пушкина».

Автограф второй главы «Путешествия в Арзрум»
(ПД 1031, л. 10, фрагмент)

композиционно разбит на четыре больших фрагмента;²¹ основным содержанием второго из них и является «грибоедовский эпизод», обособленный внутри главы, как и три других. Ни И. С. Сидоров, ни А. А. Долинин предпочли не упоминать о том, что только перед «грибоедовским эпизодом» на полях имеется позднейшая карандашная помета «Статья II», которую Ю. Н. Тынянов предположительно атрибутировал П. А. Плетневу (см.: VIII, 1010). Между тем эта помета требует осмысления и позволяет выдвинуть гипотезу о том, что данный эпизод имел особое происхождение и назначение.

17 января 1830 года в цензуру поступила предназначенная для восьмого номера «Литературной газеты» статья «Военная грузинская дорога (извлечено из путевых записок А. Пушкина)» (ПД 254).²² Можно предположить, что «грибоедовский эпизод» должен был стать второй статьёй для «Литературной газеты», «извлеченной» из тех же «путевых записок», и что в таком случае он был в том или ином виде записан еще в 1830 году, а позднее вошел, как и «Военная Грузинская дорога», в «Путешествие в Арзрум». Слухи о возможном появлении «Статьи II» могли в начале 1830 года дойти и до Булгарина.²³

²¹ 1) «Я остановился в трактире ~ Я выехал на другой же день»; 2) «Я ехал верхом ~ Мы ленивы и нелюбопытны...»; 3) «В Гергерах встретил я ~ я все еще находился в России»; 4) «До Карса оставалось мне ~ я был уже в палатке Р.». Каждый фрагмент начинается с нового двойного листа, в конце фрагментов 1, 2 и 4 поставлены знаки концевки (спиральные росчерки).

²² См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 3. С. 140.

²³ Обсуждаемая карандашная помета могла быть сделана только кем-то из осведомленных современников поэта: у позднейших владельцев рукописи не име-

Описание встречи с прахом Грибоедова строится на грани возможного: «Два вола, впряженные в арбу, поднимаются по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. “Откуда вы?” — спросил их. “Из Тегерана”. — “Что вы везете?” — “Грибоеда”.²⁴ — Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис» (VIII, 460).

Гроб мог быть переложен на арбу, чтобы преодолеть горный перевал. Команда, сопровождающая здесь прах дипломата, была довольно скромной, судя по малому чину начальника, прапорщика Макарова. Но Пушкин не отметил солдатскую форму грузин и почему-то обратился к ним, а не к офицеру (то есть получается, что тот как раз в трудную минуту пренебрег своими обязанностями). Впрочем, всякое бывает...

Но надо ведь понять, почему Пушкин, будто бы нестати, чуть раньше упомянул расположенное на вершине Безобдала «малое ущелье, называемое, кажется, Волчьими Воротами» (VIII, 460), а ниже, по его описанию, якобы и располагалась крепость Гергеры. Уже давно было замечено: «Здесь Пушкин допустил неточность, замеченную его комментаторами. Гора, через которую он перевалил, была Акзибеюк, в переводе с тюркского — “большая пасть”, по-русски — “Волчьи ворота”, а по имени главной вершины — Лалварский перевал. Отсюда начинался спуск к Дорийской равнине».²⁵

Удивляет комментарий А. А. Долинина к помещенному в «Сыне отчества» примечанию Булгарина: «Булгарин спутал горную крепость Гергеры (Джелал-Оглу) с одноименным²⁶ персидским селением на реке Аракс, у границы с Россией, откуда тело Грибоедова было 1 мая перевезено на русский берег. Эта ошибка могла создать у заинтересованных читателей впечатление, что Пушкин без разрешения пересекал государственную границу, и тем самым поставить его в неприятное положение. Может быть, именно поэтому в ПВА Пушкин использовал название Гергеры вместо более правильного Джелал-Оглу».²⁷

лось ни причин, ни оснований, чтобы обозначить таким образом «грибоедовский эпизод».

²⁴ Замечание А. А. Долинина о ямбической фактуре данного диалога стало, в сущности, развитием наблюдения Б. М. Эйхенбаума об архитектонике прозаической фразы Пушкина (см.: *Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л., 1969. С. 32–34*).

²⁵ Пушкинские места: Путеводитель. М., 1988. С. 259.

²⁶ Не совсем одноименным, хотя Булгарин и мог так считать. Ср. в путевых заметках Грибоедова: «Через гору в Гергер. Казармы. Оттуда высочайший Безобдал...»; «От Гаргар. К юго-западу через ущелье <...>. От караван-сарая спуск до Софианки, ровно до Тавриза...» (*Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 1999. Т. 2. С. 319, 321*).

²⁷ *Долинин А. А. Dichtung und Wahrheit Пушкина. С. 127.*

Но Пушкин следовал в турецкий Арзрум, а не в персидский Тавриз, что всем «заинтересованным читателям» было изначально ясно.

Стоит, однако, снова подчеркнуть, что Гергеры (как место встречи с арбой) Пушкиным были названы *еще в 1830 году*. Это стало, по слухам, известно Булгарину, что вынужден признать и А. А. Долинин, продолжая, однако, настаивать, что «грибоедовский эпизод» написан лишь несколькими годами позже.

Вполне очевидно, что Пушкин не справлялся при этом с точным «Маршрутом от Тифлиса до Арзрума». Ср.:

Пост Акзебиук	19 ½ <верст>	
Укрепл <ение> Джелал-Оглу	19 ½ - - - - -	
Гергерский пост	13 - - - - -	} переезд чрез Безобдал
Кишлякский	16 - - - - -	
Амамлы	13 - - - - -	
Бекант	15 - - - - -	
Укрепл <ение> Гумры	27 - - - - -	

(VIII, 489—490)

В Гергерах же Пушкин отобедал с Н. А. Бутурлиным, после чего вспоминал: «Переехав через гору и спустясь в долину...» (VIII, 462). Гора, здесь упомянутая, — это, конечно же, и есть Безобдал.²⁸ Тут и надо было бы поместить «грибоедовский эпизод», но запомнившееся Пушкину название «Волчьи ворота», вероятно, в 1830 году в большей мере ассоциировалось у него в «Статье II» с похоронной повозкой, которая только и могла там проехать.

В «Путешествии в Арзрум» после упоминания «горы», через которую Пушкин переехал, отправившись из Гергер, воспроизведен диалог с армянским попом о чуме. Текст «Статьи II» здесь оказался Пушкину менее уместным. Сверка же с «Маршрутом» позволила бы читателям «Путешествия в Арзрум» обнаружить явную ошибку в описании места встречи со скорбной арбой. Не желая переделывать «Статью II», Пушкин исключил из печатного текста

²⁸ А. Г. Битов, считавший, что факт встречи со скорбной арбой сочинен Пушкиным, отметил, что эпизоды ПЕРЕВАЛ и ГРИБОЕДОВ в подзаголовке второй главы «Путешествия» («...Гергеры. Грибоедов. Безобдал...» — VIII, 456) следуют в ином порядке, нежели в последующем тексте (см.: Другие берега: Литературный журнал. М., 1994. № 4—5. С. 71). И памятник-родник (скульптор С. Саркисян, архитектор Г. Мурза) с бронзовым барельефом (работа художницы Айцемик Урарту), изображающим легендарную встречу Пушкина с прахом Грибоедова, в 1938 г. установлен не на Лалварском перевале, а на горе Безобдал, перевал через которую назван Пушкинским.

указанный «Маршрут», с которым, несомненно, постоянно справлялся в 1835 году, работая над своим произведением.

Достаточно было опустить «грибоедовский эпизод», чтобы устранить отмеченную несообразность. Но подобная купюра искажала бы глубинный смысл «Путешествия в Арзрум».

Встреча с покойным Грибоедовым на подъезде к Гергерам, судя по всему, была придумана Пушкиным в 1830 году. На обратном пути в Россию он посетил в Тифлисе свежую могилу Грибоедова, «перед коей преклонил колени и долго стоял, наклонив голову, а когда поднялся, на глазах были заметны слезы». ²⁹ При встрече с тифлисской молодежью в те дни для него была исполнена «Весенняя песня» Дмитрия Туманишвили, ³⁰ которую упомянем ниже.

А затем, в Петербурге, он прочитал с досадой «Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове». Таковы были психологические предпосылки создания «грибоедовского эпизода» («Статьи II»). Подобным же образом Пушкин дезавуировал в 1827 году воспоминания Булгарина о Н. М. Карамзине, предложенные для публикации в альманахе «Северные цветы». ³¹ Необходимо было напомнить читателям о подлинном Грибоедове. И лучшим способом пробить информационную брешь стало оформление слова о нем в качестве эпизода из путевых записок.

Почему же «Статья II» в 1830 году не была опубликована? Возможно, отчасти из-за появившегося в «Сыне отечества» письма очевидца о торжественном препровождении праха Грибоедова, с указанием времени прибытия его в Артачальский карантин под Тифлисом: в «последних числах июня». ³² Существовали и неминуемые цензурные препятствия для такой публикации в связи с недавним, данным 11 августа 1829 года обещанием Николая I на встрече с Хозров-Мирзой предать «вечному забвению» происшедшее в Тегеране. Девятый же номер «Литературной газеты» был предварительно подвергнут властями особой чистке. ³³

А между тем Булгарин не устал «проговариваться» о дружбе с Грибоедовым. В 1835 году вышла и первая часть романа «Памят-

²⁹ Свидетельство Н. Б. Потокского (Русская старина. 1880. № 7. С. 582).

³⁰ См.: Асатиани Л. Пушкин и грузинская культура. Тбилиси, 1949. С. 28–30.

³¹ См.: Вацуро В. Э. Встреча: (Из комментариев к мемуарам о Карамзине) // Вацуро В. Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 135–150. При обсуждении моей гипотезы в Отделе пушкиноведения Института русской литературы Вадим Эразмович напомнил мне о данной статье.

³² Сын отечества и Северный архив. 1830. Т. 9. № 2. С. 91–92.

³³ См.: Вацуро В. Э., Гилельсон М. И. Сквозь умственные плотины: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М., 1986. С. 3–4.

ные записки титулярного советника Чухина», в которой Булгарин опять потревожил тень Грибоедова, создав ходульного персонажа Александра Сергеевича Световидова. В «Путешествии в Арзрум» содержался внятный намек на прилипчивого к славе мемуариста.

Грибоедовская тема пунктиром проходит через «Путешествие в Арзрум». В зачине первой главы не случайно упоминалась встреча в Орле с бывшим начальником Грибоедова, отставным генералом А. П. Ермоловым. Фамилия его в «Современнике» была обозначена звездочками: «...Из Москвы поехал я на Калугу, Белев и Орел и сделал таким образом двести верст лишних, зато увидел ***»³⁴ (в кавказском дневнике 1829 года была изложена не вошедшая в печатную версию беседа с ним, в частности — с упоминанием Грибоедова³⁵). Читателю, конечно, было любопытно, кто же это такой, из-за кого потребовалось преодолеть лишних 200 верст (треть всего пути от Москвы до Арзрума), и почему сообщением об этом начато «Путешествие в Арзрум». Ах, да, — в Орле...

Потом описано искупительное персидское посольство: ну это понятно, несмотря на официальные умолчания о причинах, по которым оно прибыло в Россию...³⁶ Далее Пушкин сообщал о встрече с друзьями автора «Горя от ума»: с надворным советником Иагором Чилачишвили (Г. Ч***), с начальником Военно-Грузинской дороги Н. Г. Огаревым (Ог.....), с издателем «Тифлиских ведомостей» П. С. Санковским (С.). Они, конечно же, вспоминали о Грибоедове, как и многие его тифлисские знакомцы, не названные в «Путешествии» лишь потому, что были осуждены в связи с антиправительственным заговором. К тому же Пушкин процитировал в русском переводе «Весеннюю песню» Димитрия Туманишвили; на ее мелодию, наигранную в миноре Грибоедовым для М. И. Глинки, Пушкин в 1828 году сочинил романс «Не пой, красавица, при мне...».

Так в «Путешествии» подготовлено явление Грибоедова, воплотившего в себе лучшие черты декабристского поколения. Многие его представители, привлеченные, как и Грибоедов, к следствию по делу декабристов, были брошены в горнило войны. Их имена, обозначенные в «Путешествии в Арзрум» звездочками или инициалами, легко расшифровывались читателями пушкинского круга, и таким

³⁴ Современник. 1836. Т. 1. С. 20.

³⁵ См.: Левкович Я. Л. Кавказский дневник Пушкина. С. 19.

³⁶ В «Северной пчеле» в течение 1829 г. сведения о персидской миссии (без всякого упоминания о ее причине) появились в № 67, 68, 70, 73, 90, 92, 94, 95, 97, 98, 99, 103, 122. Сообщение о Грибоедове (со ссылкой на «Тифлиские ведомости» от 26 апреля) в этой газете появилось только единожды: 15 августа, в № 98.

образом они были запечатлены в подцензурной печати в качестве активных исторических деятелей.

«История, — по наблюдению Б. М. Эйхенбаума, — стала для Пушкина полной и единственной формой воплощения истины, ее средоточием, ее знаком. Эту высокую истину надо уметь видеть в самых фактах, в самых событиях, в самых судьбах людей и народов. Путь к этой истине — через поэзию, через художественно-историческое мышление <...>. “Возвышающий обман” — псевдоним высокой исторической истины, без которой нет и истории, а есть только низкая “правда”, то есть полужистина или ложь».³⁷

А. А. Долинин соотносит «грибоедовский эпизод» лишь с нашедшими отражение в «Путешествии» пушкинскими предчувствиями собственной гибели в опасном путешествии. Такова, например, встреча в Арзруме с «ужасным нищим», похожим на «посланца из другого мира наподобие черного человека в “Моцарте и Сальери”»: «Спасение Пушкина (“Однако Бог вынес”, — сухо замечает он) противопоставляется в контексте “Путешествия в Арзрум” рассказу о Грибоедове и его гибели во второй главе».³⁸ Приведенная А. А. Долининым пушкинская цитата здесь явно не на своем месте,³⁹ да и «черный человек», право же, притянут за уши.

Принципиально важно, что гибель Грибоедова рифмовалась с описанием одного из последних дней пребывания поэта в Арзруме: «19 июля, пришед проститься с графом Паскевичем, я нашел его в сильном огорчении. Получено было печальное известие, что генерал Бурцов был убит под Байбуртом. Жаль было храброго Бурцова, но это происшествие могло быть губительно и для всего нашего малочисленного войска, зашедшего глубоко в чужую землю и окруженного неприязненными народами, готовыми восстать при слухе о первой неудаче» (VIII, 482). В подобной ситуации погиб и Грибоедов.

Документально, однако, известно, что И. Г. Бурцов был ранен в этот день в 130 верстах от Арзрума, а умер 23 июля. В Арзруме Пушкин никоим образом не мог быть извещен о его смерти. Ну как тут быть с пресловутой «презумпцией»? Ведь это такой же необходимый в общем контексте произведения художественный образ, как

---

³⁷ Эйхенбаум Б. М. <О Пушкине>: Вступительное слово // Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л., 1969. С. 321—322.

³⁸ Пушкинская энциклопедия. Вып. 4. С. 421—422.

³⁹ Ср.: «Конница наша была впереди; мы стали спускаться в овраг; земля обрывалась и сыпалась под конскими ногами. Поминутно лошадь моя могла упасть, и тогда <сводный> уланский полк переехал бы через меня. Однако Бог вынес» (VIII, 469).

и легендарная встреча с прахом Грибоедова. Работая над «Путешествием в Арзрум», Пушкин, при его поразительной памяти на значимые даты, мог вспомнить, что днем раньше состоялись в Тифлисе похороны автора «Горя от ума».

Необходимо иметь в виду и общий контекст первого тома журнала «Современник»,⁴⁰ в котором было напечатано «Путешествие...». Не случайно спустя десятилетие суда над декабристами журнал открывался пушкинским стихотворением «Пир Петра Первого»:

Нет! Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится:
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его цалует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует
Как победу над врагом...⁴¹

Далее следовала статья П. А. Плетнева о неусыпной благодетельнице, императрице Марии: «Событие беспримерное! Перед ее гробницею слились все голоса. В эту неизобразимо-горестную эпоху вся Россия одно чувствовала, и целый мир одно с нею мыслил. Минута примирила все партии. Забыты все отношения. Земное простерлось во прах перед Небесным».⁴²

Вслед за «Путешествием в Арзрум» напечатана статья Пушкина о собрании сочинений Георгия Кониского, где приведены отрывки из его проповедей — в частности: «Душа бессмертная, от брэнного тела, как птица из растерзанной сети, весело взлетавши, воспаряет в рай Богонасажденный, где вечно цветет древо жизни, где жилище Самому Христу и Избранным Его»; «Телеса наши, в гробах согнившие и в прах рассыпавшиеся, возникнут от земли, как трава весною, и по соединении с душами востанут, и укажутся всему небу, пред очами Ангелов и человекoв, пред очами предков

⁴⁰ О циклизации материалов в «Современнике» см.: *Etkind E.* Незамеченная книга Пушкина: Перелистывая «Современник» — сто пятьдесят лет спустя // *Revue des Etudes Slaves.* Paris, 1987. Т. 59. Р. 207; см. также: *Дарвин М. Н., Тюна В. И.* Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания. Новосибирск, 2001. С. 269—281 (глава «Пушкин — циклизатор “Современника”»); *Краснобородько Т. И.* Тема «Литература и власть» на страницах второго тома пушкинского «Современника» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1989. Т. 13. С. 123—132.

⁴¹ Современник. 1836. Т. 1. С. 3.

⁴² Там же. С. 13.

наших и потомков, одни яко пшеница, другие же яко плевелы, ожидая серпов Ангельских и того места, которое назначено, особо для пшеницы, и особо для плевел».⁴³

А непосредственно перед «Путешествием в Арзрум» помещено стихотворение В. А. Жуковского «Ночной смотр»:

...В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает полководец;
На нем сверх мундира сюртук;
Он с маленькой шляпой и шпагой;
На старом коне боевом
Он медленно едет по фронту,
И маршалы едут за ним,
И едут за ним адъютанты;
И армия честь отдает.
Становится он перед нею;
И с музыкой мимо его
Проходят полки за полками...⁴⁴

Недаром в пушкинском портрете Грибоедова мелькнет упоминание о Наполеоне: «Люди верят только Славе и не понимают, что между ими может находиться какой-нибудь Наполеон, не предводительствовавший ни одною егерскою ротою, или другой Декарт, не напечатавший ни одной строчки в “Московском Телеграфе”» (VIII, 461). В. А. Мильчина отметила здесь переключку с романом Ш.-О. Сент-Бёва «Сладострастие» («*Volupté*», 1834), едва ли Пушкину знакомым.⁴⁵ Подобные предположения можно обнаружить и в других источниках, например у того же Булгарина.⁴⁶

⁴³ Там же. С. 90.

⁴⁴ Там же. С. 15.

⁴⁵ «Вы думаете, что этому человеку <Наполеону> <...> нет равных среди его современников? <...> Знайте, добрые люди, что живет на свете угрюмец, быть может, внешне похожий на вас, и тем не менее созданный из того же материала, что и ваши полубоги. Есть множество невоплощенных возможностей, множество семян, которые умирают в безвестности, не дав никакого плода, и остановились в своем развитии за отсутствием удачного случая, свежего ветра и солнца» (цит. по: Мильчина В. А. Французская литература в произведениях Пушкина 1830-х годов // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1987. Т. 46. № 3. С. 252).

⁴⁶ Ср.: «Если бы Световидов был брошен судьбою на поприще политической деятельности, он бы достигнул недостигаемого величия. Он был рожден быть или Бонапартом, или Магометом» (Булгарин Ф. В. Памятные записки титулярного советника Чухина, или Простая история обыкновенной жизни. СПб., 1835. Ч. 1. С. 120).

Мысль о гениальных задатках его современников была издавна близка и самому Пушкину. Вспомним хотя бы его юношеские строки о Чаадаеве:

Он вышней волею небес
Рожден в оковах службы царской;
Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
А здесь он — офицер гусарский.
(АПСС. Т. 2. Кн. 1. С. 89)

Грибоедов же успел свершить должное. И потому у Пушкина сказано: «Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, не ровного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного. Она была мгновенна и прекрасна.

Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...» (VIII, 461).

С. А. Фомичев

ГОГОЛЕВСКИЙ «НОС» В ПУШКИНСКОМ КРУГУ О редакции повести в журнале «Современник» 1836 года

Но каким чудом отвратительная бессмыслица могла смешить Пушкина?

Барон Розен, «Ссылка на мертвых»

Несмотря на многочисленные работы, посвященные повести Н. В. Гоголя «Нос», целый ряд вопросов, связанных как с текстологической историей, так и с литературно-историческим контекстом этого «загадочного» произведения, остается непроясненным. В каком направлении и при каких обстоятельствах Гоголь переделывает первую редакцию повести, подготовленную в 1835 году для «Московского наблюдателя», но не напечатанную в этом журнале? Почему Пушкин взялся поместить отвергнутый москвичами текст в своем журнале «Современник», в третьем томе за 1836 год?

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 37

Санкт-Петербург
2023

УДК 821.161.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1
В81

*Издание основано в 1962 году
Выходит один раз в год*

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Е. Е. Дмитриева

Рецензенты:
Доктор филологических наук
А. В. Кошелев
(*Государственный архив Новгородской области*)
Доктор филологических наук
О. Б. Лебедева
(*Томский государственный университет*)

ISBN 978-5-94668-370-8

© Авторы статей, 2023
© Пушкинская комиссия РАН, 2023